

Дружба, любовь и математика

Уверена, что мои первые попытки подружиться с кем-либо были приняты еще в родильном доме. Если бы человеческая память позволяла подобные экскурсии, я непременно вспомнила бы острое желание быть посвященной в сокровенные причины безмятежных улыбок или громкого плача моих соседей по колыбелькам. Неудивительно, что с такой любовью к сопереживанию я регулярно наращиваю количество подруг и друзей. И это замечательно, потому что мы всегда интересны друг другу, существуем в едином энергетическом пространстве, независимо от расстояния и частоты общения. Но есть особая категория — друзья детства, с которыми связаны несколько десятков лет жизни и множество забавных историй.

Самая древняя из подруг детства Лина была моей соученицей с четвертого класса. Жили мы в городе Одессе на Пересыпи, но затем родителям дали квартиру на Большом Фонтане, и мы с Линой вынуждены были расстаться. Однако наша дружба продолжалась в регулярных письмах, пока родители не стали разрешать нам ездить друг к другу в гости в другой конец города. Обе мы были очень общительными и деятельными, хорошо учились, много читали, занимались в танцевальных ансамблях, не чурались и общественно-комсомольской деятельности. Лина много рассказывала мне о своих соучениках и учителях, особенно об учительнице математики, которая недавно начала преподавать в их школе после окончания университета. Анна Семеновна так страстно любила свой предмет, так необыкновенно ярко и талантливо умела увлечь своих учеников, что весь класс в короткий срок превратился в фанатов математики. А тех нескольких тупиц, с которыми этого не произошло, она буквально публично уничтожала каждый день своим яростным гневом, переходящим в презрение.

После окончания девятого класса в нашей жизни произошло необычайное событие, определившее судьбу многих из нас в совсем недалеком будущем. Одесский обком комсомола организовал в селе Дофиновка комсомольско-коммунарский лагерь "Звездная республика". Лине, у которой уже был некоторый опыт коммунарского общения, удалось уговорить моих родителей отпустить меня в лагерь. Мы жили в палатках на берегу лимана, работали на лесопилке несколько часов в день — лагерь был на самокупаемости. Лесопилка переводила заработанные нами деньги в местную "Чайную", а там уж нас досыта кормили, в основном, хлебом и рисом. Все остальное время было предоставлено различным коммунарским за-

хватывающим мероприятиям: песням у костра, танцам до упаду, идеологическим дискуссиям, диспутам и т. д. Весь цвет одесского комсомола 60-х годов был представлен в "Звездной республике". Отличительным внешним признаком принадлежности к коммунарскому движению являлся пионерский галстук, который каждый из нас носил и днем и ночью. Видимо, обкомовские идеологи таким образом внедряли в нас установку на предохранение от совершения любых поступков не пионерского характера. Когда мой отец посетил наш лагерь, на него многое произвело сильное впечатление: и названия отрядов — "Первенец" и "Голубая планета", и особая наша гордость — новая деревянная уборная с романтическим названием "Бригантина", и единственный взрослый человек — директор лагеря студент-филолог Леня Сущенко. Времена были совсем другие, и можно свидетельствовать популярной фразой из фильма Рязанова: "Но секса не было!". Излишне упоминать о том, что все пространство от лимана и до морского побережья буквально искрило от романтических восторгов молодых коммунарских сердец. Сколько радости и счастья, многократно усиливающихся от сопричастности к самому главному — взаимопониманию единомышленников, — испытывали мы тогда! Песни Окуджавы, Визбора, Городницкого, Галича без устали перетекали одна в другую. У нас были и свои поэты, и художники, замечательный ансамбль гитаристов, убаюкивающий нас после отбоя мелодиями "Битлз". День всегда завершался в два часа ночи совместным произнесением основного постулата коммунарского движения: "Наша цель — счастье людей. Мы победим, иначе быть не может!". Здесь завязывались дружбы на всю жизнь, и зарождалась любовь, и это было естественно и неизбежно.

У меня начались романтические отношения с одноклассником Лины — Валерой, о котором она много рассказывала прежде. Это был высокий, очень симпатичный и несколько загадочный мальчик. Наши встречи продолжались и после грустного расставания с незабываемой "Звездной республикой". Он часто приезжал ко мне на Большой Фонтан, и мы с упоением проходили каждый раз столь необходимую в юности науку тысячи поцелуев в парке на скамейке и в подъезде перед расставаниями. Однажды этот увлекательный процесс заставил нас забыть о времени, и мои родители были вынуждены оставить его ночевать у нас, так как он опоздал на последний автобус. Ему постелили на раскладушке, которая стояла через стол от моей кровати. Родители спали в смежной комнате, естественно, с открытой дверью. При каждом его шевелении раскладушка издавала гнусный скрип, в ответ на который звучал папин "контрольный вопрос":

"Не спится, молодой человек?". Максимальное выражение наших бурлящих чувств завершилось тем, что Валера стал размахивать в темноте какой-то белой салфеткой, поутру оказавшейся маминым объемным бюстгальтером. Кроме поцелуев мы с Валерой еще иногда занимались математикой, так как я была хронической отличницей, а у него временами возникало недопонимание с преподавательницей Анной Семеновной. Впрочем, вскоре я узнала, что она сама предложила ему помощь в виде дополнительных занятий, ведь не за горами выпускные экзамены, а там и вступительные. Каждый раз эти занятия приводили его в невероятный восторг, которым он спешил поделиться со мной. Однажды я посетила их школьный вечер и была официально представлена Анне Семеновне как лучшая подруга Лины и "девочка" Валеры. Учительница была молода, и любовь к математике явственно проступала в ее чертах. Она сказала, что слышана обо мне от Валеры, знает, какие оценки у меня по математике, впрочем, как и по другим предметам. Это прозвучало несколько осуждающе, я не соответствовала ее правилам соблюдения безусловных математических приоритетов. Прошло немного времени, и я начала чувствовать, что происходит что-то непонятное. Валерино увлечение математикой переросло в настоящую страсть! В то же время наши с ним отношения явно перешли в стадию, о которой Жванецкий сказал: "Не можешь любить — дружи!". Однажды Валера примчался ко мне совершенно потрясенный и в пылу плохо контролируемого возбуждения осветил некоторые подробности, свидетельствующие о том, что любовь к математике приняла у них с Анной Семеновной очень странные формы. Для меня это был двойной удар, как высокоморальной комсомолке и одновременно девушке, проигравшей любовное сражение. И кому! Разрыв между нами стал неизбежен. Я страдала молча, не имея возможности ни с кем разделить свою боль и обиду. Позже рассказывали мне, что их отношения (никем не доказанные) длились несколько лет после окончания школы. Анна Семеновна жила вдвоем с престарелой тетушкой, и Валера был частым и всегда ожидаемым гостем в их доме. Мы с Линой вскоре поступили в университет, а затем повыходили замуж, кстати, за бывших коммунаров из нашего судьбоносного лагеря.

Прошло 20 лет. Моя дочь Ира после окончания 8-го класса предприняла неудачную попытку поступить в одесское театральное училище. Она вынуждена была вернуться в свою школу в 9-й класс, чтобы пересидеть учебный год и повторить поступательный подвиг. С первых же дней учебного года Ира начала рыдать из-за новой учитель-

ницы по математике Анны Семеновны, которая пыталась заставить ее совершить невозможное — хотя бы что-нибудь сообразить по этому предмету. Судьба уготовила мне такое испытание — почему-то перевела эту замечательную учительницу преподавать с Пересыпи на Фонтан, да еще точнехонько в Ирину школу и класс. Трудно описать мои нравственные мучения! Ирка ревет, в школу идти отказывается — там каждый день скандалы и истерики. Учительница с годами явно нервную систему истрепала, требует в школу родителей самой тупой девицы. Если она меня узнает, может воспринять мой приход как намек на шантаж. Ведь ей прекрасно известно, что я все знаю лучше всех на свете о некоторых событиях в греховном прошлом. Я тянула время, сколько могла, но все же пойти пришлось. Мною было придумано компромиссное решение, как это принято в Одессе. Дело в том, что в те времена учителя математики должны были начинать преподавать в школах информатику, а это почти для всех было проблематично. Я решила предложить Анне Семеновне свою помощь в проведении экскурсий на вычислительный центр, где работала программистом. Была у меня все же надежда на то, что она меня не узнает через столько лет.

Всю ночь не могла спать от волнения, зашла в класс на большой перемене. Она сидела за учительским столом. Любовь к математике, сосредоточенная в ее чертах, с годами стала еще более зрелой и выразительной. "Боже мой, это же Нина!" — услышала я. Следующий вопрос был: "Что ты знаешь о Валере, где он сейчас?". Я в тот момент этого не знала. Но всю перемену она говорила о нем. В ее глазах стояли слезы благодарности и нерастраченной любви. Мне было сложно прервать поток воспоминаний и сознаться ей в истинной цели моего визита. "Какой ужас!" — произнесла она, поняв, кто моя нематематическая дочь. "Ладно, давай я буду сама с ней заниматься!" — последовало самонадеянное предложение. Вот тут я испугалась уже совсем не на шутку, так как знала, что в этом случае могут столкнуться невероятная сила любви к математике с равной ей по силе, мягко говоря, нелюбви. "Боже вас сохрани от такого напрасного каторжного труда!" Прозвенел звонок, я спешно пыталась объяснить ей, что с математикой у Иры совершенная безнадега, мы все уже перепробовали. Класс шуршал тетрадами, а она продолжала свои воспоминания быстрым шепотом. Я узнала о том, каким незащищенным и ранимым на самом деле был Валера, какое неопишемое благородство носил он в груди, каким умел быть нежным...

Ира, сидя за своей партой, напряженно грызла ручку в ожидании своей немилостивой судьбы. Наконец, Анна Семеновна вытерла слезы и сказа-

ла мне: "Огромное тебе спасибо. Ты даже не представляешь, что для меня сегодня сотворила — за долгие годы такой праздник воспоминания самого дорогого! Если что-то о нем станет известно, сообщи мне, пожалуйста, сразу". Я поняла, что пора ретироваться, и спросила одними дрожащими губами: "Как нам быть с Ирой?" — "Ладно, поставлю ей тройки — по умолчанию, не волнуйся. Найди мне его, прошу тебя!" — так же беззвучно произнесла она. Потом на расспросы дочери, из-за чего плакала жестоко-сердная учительница, я вынуждена была ответить: "Просто она поняла, что не сможет ни научить тебя математике, ни до конца года расстаться с тобой!". А что можно было еще сказать ей тогда?

Мне все же удалось помочь Анне Семеновне, но только не в поиске предмета любви, а в проблемах преподавания информатики. Провела несколько экскурсий с ее классами на ВЦ. И она сдержала свое слово — Ира перестала для нее существовать как иррациональная величина. На следующий год дочь поступила в свое училище.

Что касается Валеры, то нужно сказать, что уроки математики, которые преподавались с такой любовью, явно пошли ему впрок. Он стал вполне благополучным предпринимателем. По сведениям Лины, его жизнь удалась во всех аспектах. Но учительницу по математике все мы не забудем никогда. По разным причинам.

Иногда мы с Линой вспоминаем нашу далекую коммунарскую юность. После прожитых лет и осознания многих истин все давно перестали быть идеалистами, и основной лозунг, многократно повторяемый когда-то, сегодня звучит в вопросительной форме: "Наша цель — счастье людей? Мы победим? Иначе быть не может?".

А я часто вспоминаю слова песни Александра Дольского:

А года, а года все бегут в никуда,
И ложатся на лица тревоги.
И тусклей наша речь, от внезапности встреч
Удается сбересть так немного!
И все реже и реже мы теряем надежды —
Так легко было прежде нам надежды терять.
И все чаще и чаще в то далекое счастье
Нужно нам возвращаться, возвращаться опять!

Бат-Ям

